С. Е. Дмитріевъ.

БАЙГА У КАРАКИРГИЗОВЪ

ПО СЛУЧАЮ СМЕРТИ МАНАПА

ШАБДАНА ДЖАНТАЕВА

въ Пишпекскомъ уѣздѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28.
1914.

Байга у каракиргизовъ по случаю смерти манапа Шабдана Джантаева въ Пишпекскомъ уѣздѣ.

(Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О. 18 января 1913 года).

С. Е. Дмитріевъ.

Конскія скачки составляютъ, какъ извѣстно, самое популярное развлеченіе у киргизовъ—этихъ прирожденныхъ наѣздниковъ. Безъ скачекъ (по-киргизски—«байга») не обходится у нихъ ни одинъ праздникъ, а такія торжества, какъ, напр., поминки по усопшемъ, такъ даже и называются чаще «байгою»—по имени этого главнаго развлеченія, вмѣсто названія «ашъ», которое означаетъ: пиръ, угощеніе.

Три мѣсяца тому назадъ, въ октябрѣ 1912 года, мнѣ лично удалось присутствовать на одной такой байгѣ въ Пишпекскомъ уѣздѣ Семирѣченской области по знаменитомъ у насъ каракиргизѣ Шабданѣ Джантаевѣ. Конскія скачки были, собственно, главною цѣлью моей поѣздки; но поминки сопровождались и другими состязаніями, а также, и вообще, были обставлены довольно своеобразно. Однако, я напередъ долженъ оговориться, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи я могу сообщить только то, что видѣлъ и слышалъ, какъ простой наблюдатель, а не какъ спеціалистъ-этнографъ.

Шабданъ Джантаевъ принадлежалъ къ каракиргизскому роду Тынай, кочующему и понынѣ въ предѣлахъ Пишпекскаго уѣзда, въ верхней долинѣ рѣки Чу и ея притоковъ, между про-

чимъ: Большого и Малаго Кебина, между горами Заилійскимъ Алатау и Александровскимъ хребтомъ. Шабданъ былъ манапомъ, т.-е. происходилъ изъ владѣтельнаго рода, и въ свое время, при завоеваніи Семирѣчья нашими войсками, оказалъ большія услуги русскому правительству. За эти и за послѣдующія заслуги онъ былъ награжденъ чиномъ войскового старшины милиціи, орденами и пожизненной земельной арендой, а за свои личныя качества: умъ, прямоту, щедрость и рѣдкое безкорыстіе [1]) пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ, особенно среди своихъ соплеменниковъ. Я лично видѣлъ Шабдана Джантаева въ 1910 г.—на торжествахъ въ память 50-лѣтія Узунъ-Агачской битвы, въ которой въ 1860 году, какъ извѣстно, была окончательна сломлена нашими войсками сила коканцевъ въ Семирѣчьѣ. Шабданъ былъ типичнымъ киргизомъ небольшого роста, но и на этихъ торжествахъ онъ занималъ особо выдающееся мѣсто среди другихъ почетныхъ инородцевъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, когда 6 апрѣля 1912 г. уже глубокимъ, 76-лѣтнимъ старцемъ Шабданъ умеръ, его сородичи рѣшили почтить его память безпримѣрною байгою, которая своею помпою затмила бы всѣ байги, когда-либо бывшія въ нашемъ краѣ... Устройство поминокъ носило чисто народный характеръ. Наибольшее матеріальное участіе въ нихъ приняли волости рода Тынай: Сарыбагишевская, къ которой принадлежалъ самъ покойный Шабданъ, Атекинская, Тынаевская и Шамсинская. Каракиргизы этихъ волостей не только собрали между собою деньги, но и взяли на себя выставку юртъ для гостей и угощеніе ихъ натурою. Организація всего дѣла была вручена особому комитету изъ родственниковъ покойнаго Шабдана и изъ другихъ почетныхъ лицъ, который и вѣдалъ сборомъ пожертвованій, начатыхъ еще лѣтомъ 1912 года вслѣдъ за смертью Шабдана. Комитетъ же выработалъ и программу торжествъ и тогда же, т.-е. мѣмѣсяца за три до нихъ, разослалъ на нихъ приглашенія по всему Семирѣчью и даже въ сосѣднія области: Сыръ-Дарьинскую и Ферганскую, не только киргизамъ, но и русскимъ. Сыновья Шабдана уже не чужды русскому просвѣщенію и укладу жизни: они прекрасно говорятъ и пишутъ по-русски и озаботились даже

[1]) Не въ примѣръ другимъ вліятельнымъ киргизамъ, Шабданъ послѣ своей смерти оставилъ, говорятъ, чуть ли не одну только юрту да зимовку и лишь немного скота.

объявленіемъ о байгѣ въ мѣстныхъ газетахъ, а, напр., я лично получилъ отъ нихъ приглашеніе на байгу въ обычной европейской формѣ, даже напечатаннымъ на пишущей машинѣ.

Байга была назначена на осень, съ 10 по 14 октября, въ урочищѣ Мал. Кебинъ, въ 50-ти верстахъ отъ с. Б. Токмака Пишпекскаго уѣзда, въ головѣ Чуйской долины. Въ Семирѣчьѣ я былъ на байгахъ нѣсколько разъ, но ни разу не приводилось мнѣ видѣть такого скопленія киргизовъ, какъ на шабдановой байгѣ, когда я прибылъ въ М. Кебинъ 11 октября. По общему подсчету, сюда съѣхалось до 40.000 человѣкъ народа, главнымъ образомъ, каракиргизовъ Пишпекскаго и Пржевальскаго уѣздовъ. Затѣмъ были киргизы Вѣрненскаго и другихъ уѣздовъ Семирѣченской области, изъ Ауліеатинскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской области и изъ Ферганы. Между русскими преобладали казаки-семирѣки изъ сосѣдней станицы Самсоновской (въ 8 верстахъ отъ М. Кебина) и изъ с. Михайловскаго (21 верста). Были представители русскаго чиновничества и купцовъ, а также другіе русскіе изъ г. Вѣрнаго и изъ другихъ мѣстъ. Малая часть киргизовъ остановилась въ сосѣднихъ аулахъ, главная же масса ихъ размѣстилась въ 2.000 слишкомъ юртъ, выставленныхъ на равнинѣ М. Кебина, на пространствѣ около 30 квадр. верстъ.

Въ эти нѣсколько дней М. Кебинъ принялъ небывало-оживленный видъ степной ярмарки. Всюду слышалось пѣніе, гомонъ толпы, ржаніе и топотъ тысячъ лошадей, выкрики торговцевъ, съѣхавшихся сюда съ хлѣбомъ, яблоками, арбузами и прочимъ—въ надеждѣ на хорошую выручку; въ толпѣ шныряли дуаны, музыканты и т. д. и т. д. Но нужно отдать полную справедливость киргизамъ: несмотря на столь громадное скопленіе народа, порядокъ у нихъ во все время поминокъ поддерживался образцовый. Впрочемъ, этому, можетъ быть, способствовало также и присутствіе Пишпекской уѣздной администраціи, которая прибыла на поминки in corpore, а Токмакскій участковый приставъ, поруч. Кутуковъ, распоряжался поддержаніемъ порядка и самъ лично [1]).

Центромъ всего была юрта Шабдана Джантаева. Она была перевезена изъ Бол. Кебина, гдѣ умеръ Шабданъ, на мѣсто поминальныхъ торжествъ 5-го октября, т.-е. еще до съѣзда гостей.

[1]) По настоянію г. Кутукова, М. Кебинъ освѣщался, напр., въ ночное время керосиновыми фонарями, одинъ изъ которыхъ виденъ на рис. 1 передъ юртой Шабдана.

Съ юртою перевезли и все имущество покойнаго, а также его стягъ. Послѣднiй представлялъ собою двуцвѣтный флагъ (бѣлое съ краснымъ) и яковый хвостъ надъ флагомъ, на высокомъ древкѣ. Торжество перевозки произошло въ присутствiи сарыбагишей и атекинцевъ, т.-е. ближайшихъ къ Шабдану каракиргизовъ, передъ которыми особые герольды—акыны—въ цвѣтистыхъ выраженiяхъ описали всѣ прижизненныя заслуги и высокiя личныя качества покойнаго. Закончилось это торжество небольшой байгою, на 15 верстъ, съ участiемъ 16-ти скакуновъ, изъ которыхъ первымъ 5-ти лошадямъ были выданы призы кусками ситца и другихъ матерiй.

Въ Маломъ Кебинѣ юрту Шабдана поставили посреди большой ровной площади, дверью на югъ, и разложили въ ней, въ обычномъ порядкѣ, хозяйство покойнаго. Стягъ водрузили надъ юртою, пропустивъ его древко сквозь войлочную крышу юрты (рис. 1). Особое мѣсто внутри юрты занимали всѣ вещи покойнаго Шабдана Джантаева, которыми онъ пользовался при жизни самъ лично. Ихъ помѣстили въ западной сторонѣ юрты, налѣво отъ входа—по направленiю къ Меккѣ. Въ самой срединѣ на манекенѣ была повѣшена вся его парадная форма войкового старшины, при орденахъ и шарфѣ (на правое плечо, къ эполету, повѣсили, кстати, и погоны); отдѣльно висѣли: шашка, сѣдло и четки покойнаго, по которымъ онъ молился, слѣва—его большой портретъ, а внизу фотографiя Шабдана въ кругу русскихъ офицеровъ и чиновниковъ (рис. 2).

Каждый изъ гостей, прежде чѣмъ расположиться на отдыхъ, долженъ былъ по прiѣздѣ продѣлать церемонiю оплакиванiя покойнаго. Обыкновенно прiѣхавшiе останавливались для этого въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ шабдановой юрты и затѣмъ вскачь, толпою, подъѣзжали къ юртѣ съ жалобными криками: «Ханъатамъ!—Баурумъ!—О бай!» (О ханъ-отецъ! о братъ! о господинъ!), соскакивали съ лошадей, произносили краткую молитву (бату) и дѣлали подарки семьѣ покойнаго.

Точно такъ же каждое утро и потомъ, уже изъ числа прибывшихъ ранѣе на поминки киргизовъ, они стекались къ юртѣ пѣшiе, пропускались въ нее поочереди и совершали поклоненiе реликвiямъ покойнаго. Послѣднее состояло въ томъ, что входящiе прикасались къ регалiямъ, эполетамъ, четкамъ и другимъ вещамъ покойнаго Шабдана, и затѣмъ каждый дѣлалъ жестъ мусульманской молитвы. На рис. 1 юрта Шабдана изображена какъ

Рис. 1. Юрта Шабдана Джантаева съ его стягомъ въ М. Кебинѣ. Толпа киргизовъ готовится войти въ юрту, чтобы поклониться реликвіямъ покойнаго.

Рис. 2. Реликвіи покойнаго Шабдана Джантаева въ его юртѣ, подъ ними плакальщицы.

А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.

Рис. 3. Внучки Шабдана Джантаева, въ его юртѣ.

Рис. 4. Акынъ Кенджикара воспѣваетъ подвиги покойнаго Шабдана Джантаева.

А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.

разъ въ тотъ моментъ, когда пѣшая толпа киргизовъ собирается войти въ нее для описанной цѣли.

Днемъ и часто ночью изъ юрты Шабдана раздавались заунывныя причитанія киргизскихъ плакальщицъ. Сидя на полу, по-киргизски, онѣ заполняли всю эту, сравнительно, большую юрту. Часть плакальщицъ видна на рис. 2 у реликвій Шабдана, а рис. 3 изображаетъ его внучекъ, которыя сидѣли въ парадныхъ одеждахъ на сторонѣ, противоположной реликвіямъ, и также принимали участіе въ оплакиваніи.

Вотъ что̀ пѣла одна изъ плакальщицъ [1]).

«О, ты нашъ отецъ!—Ты съ дѣтства отличался необыкновенной щедростью, добротой и храбростью.—Ты участвовалъ въ многочисленныхъ походахъ, ты участвовалъ въ наказаніяхъ враждебныхъ намъ народовъ и способствовалъ ихъ покоренію. Начальство признало твои заслуги и наградило тебя разноцвѣтными халатами, медалями и шашками.—Ты сталъ всюду извѣстенъ: нѣтъ ни одного мусульманина въ нашемъ краѣ, который не зналъ бы твоего имени. Слава о тебѣ прогремѣла до Бухары, Индостана, Тюмени и Крыма.—Ты удостоился особой чести быть на коронаціи Государя. Ты объѣхалъ много городовъ и завелъ знакомство со многими высокопоставленными лицами. На тебя было обращено вниманіе, и ты былъ одаренъ царскими милостями и награжденъ чиномъ. Когда ты возвращался, то въ Ташкентѣ Генералъ-Губернаторъ, а въ Вѣрномъ Военный Губернаторъ, интересуясь временемъ твоего прибытія, освѣдомлялись по телеграфу и ждали тебя съ нетерпѣніемъ.

И нѣтъ теперь тебя, такого заслуженнаго и всѣми отличеннаго человѣка! Кому-то теперь изъ киргизовъ и каракиргизовъ удастся достигнуть такого положенія? Суждено ли кому-нибудь изъ оставшихся послѣ тебя 4-хъ сыновей достигнуть хотя бы части такого величія и заслужить такое же вниманіе начальства? А какимъ почетомъ ты пользовался у всѣхъ родственныхъ намъ казаковъ, не говоря ужъ о каракиргизахъ. Гдѣ бы ты ни появлялся, среди албановъ, уйсуновъ или дулатовъ, тебя вездѣ встрѣчалъ исключительный почетъ, всякій считалъ особой для себя честью и съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности поднести тебѣ

[1]) Эту пѣсню я заимствую изъ анонимной корреспонденціи «Семирѣч. Обл. Вѣдомостей» за 1912 г., какъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія.—Пѣсня приводится въ вольномъ переводѣ.

«союшъ» (подарокъ). И за то всякій пользовался твоей справедливостью; благодаря ей, много очень крупныхъ дѣлъ на чрезвычайныхъ народныхъ съѣздахъ въ Пишпекѣ разбирались тобой единолично, и всегда всѣ оставались довольны твоимъ рѣшеніемъ.

Если пріѣдетъ теперь начальство, то съ какой скорбью будутъ вспоминать о тебѣ должностныя лица, не умѣющія ни встрѣтить его, ни сказать ему даже слова. А пріѣдетъ Военный Губернаторъ—кто же, вмѣсто тебя, выйдетъ къ нему навстрѣчу, скажетъ хорошее привѣтствіе и откровенно объяснитъ ему всѣ нужды народа? Вѣдь, волостные и аульные, изъ страха передъ Губернаторомъ, будутъ молчать и только кланяться.

Ни на что̀ ты не могъ пожаловаться. Твоя жизнь прошла счастливою, и ты всегда былъ ею доволенъ. Лишь незадолго до смерти на твою сѣдую голову, благодаря клеветникамъ, обрушилось страшное несчастіе. Одинъ изъ твоихъ сыновей былъ обвиненъ въ убійствѣ и заключенъ въ тюрьму. Это горе подорвало твои силы и ускорило твою кончину. Увы! каково-то теперь твоей семьѣ, привыкшей жить за твоею спиною вполнѣ спокойно!

Исключительное вниманіе, которымъ ты пользовался у начальства при жизни, продолжалось и послѣ твоей смерти. Губернаторъ приказалъ, и на твои похороны прибыли войска: они оказали тебѣ воинскія почести стрѣльбою изъ ружей. На твоихъ похоронахъ проливали искреннія слезы не только каракиргизы и киргизы, но и большинство русскихъ, во главѣ съ нашимъ участковымъ приставомъ.—Ой бай, было ли когда-нибудь еще, чтобы русскій плакалъ о киргизѣ!»

Такія причитанія слышались изнутри юрты, а снаружи ея подвиги Шабдана Джантаева воспѣвались пѣвцами—акынами. Акыновъ было нѣсколько человѣкъ изъ каракиргизовъ и изъ киргизъ-казаковъ, но и послѣдніе пѣли не по-казацки, а также по-каракиргизски, нарѣчіе которыхъ отличается отъ казацкаго. Пѣвцы разодѣлись въ двуцвѣтные ситцевые халаты: красное съ зеленымъ поверхъ ихъ обыкновенной одежды. Пѣніе каждаго сопровождалось аккомпаниментомъ на музыкальныхъ инструментахъ: домбра (двухструнная балалайка), кобызъ (по-казацки, по-каракиргизски—кыякъ—скрипка) и сырнай, или собызга (мѣдная дудка съ ладами, похожая по звуку на волынку—духовой инструментъ). На струнныхъ инструментахъ акыны аккомпанировали себѣ сами, а кто пѣлъ съ аккомпаниментомъ дудки, тотъ имѣлъ при себѣ особаго «сырначи». Всѣ пѣвцы пѣли

сильнымъ, высокимъ теноромъ. Мотивъ пѣсни, какъ и вообще у киргизовъ, заунывный и однообразный, иногда даже какъ бы речитативъ, но каждый куплетъ пѣсни, сейчасъ же, въ точности повторялся аккомпаниментомъ. Очевидно, гнались не столько за мотивомъ, сколько за содержанiемъ пѣсни. Послѣднее же всецѣло зависѣло отъ импровизацiи каждаго пѣвца, и, слѣдовательно, все дѣло сводилось къ выбору самихъ акыновъ. Въ этомъ же отношенiи, дѣйствительно, постарались. Съ аккомпаниментомъ сырная здѣсь пѣлъ знаменитый Амурзакъ (Каргыбаевъ)—киргизъ-казакъ Узунъ-Агачской волости Вѣрненскаго уѣзда, а не менѣе извѣстный каракиргизъ Кенджикара самъ аккомпанировалъ себѣ на кыякѣ.—Къ сожалѣнiю, пѣсни акыновъ записаны не были; но, какъ мнѣ передавали ихъ содержанiе, всѣ пѣсни сводились къ бiографическимъ подробностямъ жизни покойнаго Шабдана Джантаева: какъ онъ дрался рядомъ съ величайшими русскими генералами, какъ былъ почтенъ назначенiемъ на коронацiю Государя, какъ получилъ отличiя: чины и ордена, какъ выстроилъ мечеть въ Б. Кебинѣ, какъ заботился о благосостоянiи своего народа и т. д.; восхвалялись и личныя качества Шабдана. И все это въ цвѣтистыхъ восточныхъ выраженiяхъ, причемъ, напр., щедрость покойнаго сравнивалась не иначе, какъ со щедростью Гаруна-аль-Рашида.—Характерно, что въ пѣсняхъ Шабданъ совсѣмъ не назывался по имени, а всѣ именовали его только словомъ «батыръ», т.-е. славный воитель, богатырь.

Акыны пѣли на всѣхъ скачкахъ, когда же скачекъ не было, то пѣнiе происходило у шабдановой юрты. Для этого акыны располагались въ переднихъ рядахъ тысячной конной толпы киргизовъ, которая окружала юрту замкнутымъ кольцомъ, но все же на почтительномъ разстоянiи отъ этого священнаго мѣста. На рис. 4 изображается часть этой толпы киргизовъ; впереди пѣвецъ Кенджикара съ его кыякомъ.

Мусульманско-религiозная сторона поминокъ заключалась въ строгомъ соблюденiи намаза въ установленные часы, но, обыкновенно, въ каждой юртѣ молились особо. Послѣ утренней молитвы гостямъ подавали чай, а каждый день къ вечеру угощали бараниной по-киргизски или варили пловъ. Кололи также лошадей и крупный рогатый скотъ.

Но гвоздемъ всѣхъ торжествъ, все-таки, какъ я сказалъ уже и въ самомъ началѣ, были конскiя скачки. Киргизъ, вообще, привыкъ высоко цѣнить быстраго, какъ вѣтеръ, неутомимаго

коня и не только, какъ спортсменъ по природѣ, а иногда прямо по необходимости. Напр., у этихъ кочевниковъ и до сихъ поръ еще практикуются удалые набѣги на сосѣдей съ цѣлію грабежа чужого скота, такъ называемая «баранта», а на международныхъ русско-китайскихъ съѣздахъ между Семирѣчьемъ и прилегающими къ нему провинціями Зап. Китая дѣла по взаимной барантѣ нашихъ киргизовъ у китайскихъ калмыковъ (или китайско-подданныхъ киргизъ-кызаевъ) и обратно — составляютъ главную тему судебнаго разбирательства. Ловкій барантачъ такъ и зовется джигитомъ, сирѣчь удальцомъ. Но безъ добраго коня и ловкому барантачу было бы совсѣмъ плохо. Степной законъ Линча въ данномъ случаѣ неумолимъ, и всякому такому вору грозитъ вѣрная смерть отъ руки хозяевъ угнаннаго скота: если его настигнутъ, его убьютъ безъ всякихъ разговоровъ. Я личными разспросами убѣдился, что киргизы не продаютъ выдающихся скакуновъ ни за какія деньги, и только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ скакуны идутъ въ подарокъ особенно дорогому и почетному другу (тамыръ) или въ калымъ, т.-е. въ уплату за невѣсту. Самое понятіе «скакунъ», у киргизъ-казаковъ «джюйрюкъ», переводится у каракиргизовъ прямо словомъ «кулюкъ», т.-е. знаменитый [1]). Конечно, хозяинъ всѣми мѣрами старается уберечь своего скакуна отъ воровъ, а отъ дурного глаза вѣшаетъ ему на шею, какъ человѣку, «тумаръ» — ладанку съ изреченіями изъ корана, или вплетаетъ ему въ хвостъ перья отъ филина (уку), какъ на шапочку своему новорожденному ребенку.

Широкое оповѣщеніе и преувеличенные слухи о небывалыхъ денежныхъ призахъ за скачки въ память Шабдана Джантаева привлекли въ М. Кебинъ громадное количество киргизскихъ скакуновъ и, что особенно интересно въ смыслѣ сравненія киргизкихъ лошадей съ культурными,—также метисовъ киргиза съ англійской лошадью и даже чистокровныхъ англійскихъ лошадей. Между послѣдними были:—полукровныя англійскія: Лира казака Малышева, Джанъ казака Плотникова, англо-туркмено-киргизъ Жучекъ войск. старш. Бычкова и чистокровныя англійскія кобылы: 1) Заза, 8 лѣтъ, завода Радкевича, принадлежащая хор. Шебалину и 2) Жакерія, 7 лѣтъ, зав. Лермонтова, приведенная изъ Ташкента подъесауломъ Альметьевымъ, извѣстнымъ у насъ

[1]) Переводомъ этого слова я обязанъ А. Н. Самойловичу.

спортсменомъ. Первыя 3 лошади только что въ 1912 году, т.-е. въ годъ шабдановыхъ скачекъ, получили первые призы на скаковомъ ипподромѣ въ г. Вѣрномъ, а Жакерія Альметьева въ 1911 году пришла первой на 25-верстномъ офицерскомъ пробѣгѣ въ г. Ташкентѣ и вслѣдъ затѣмъ взяла генералъ-губернаторскій призъ въ г. Самаркандѣ. Изъ Ташкента же г. Альметьевъ вывезъ и казака, который скакалъ здѣсь на Жакеріи и оказался прекраснымъ жокеемъ, не позабывшимъ даже напоить свою лошадь на полпути сахарною водою.

На шабдановой байгѣ были частныя и общія скачки. Частныя скачки, такъ назыв. бата-куръ, устраивались такимъ образомъ, что какой-нибудь родственникъ, или почитатель покойнаго жертвовалъ 25—50 руб. на призы и предлагалъ скакать всѣмъ желающимъ на извѣстную дистанцію. Общихъ скачекъ, кромѣ описанной по случаю перенесенія юрты Шабдана 5 октября, было еще 3: первая, 11 октября—для лошадей всѣхъ породъ и возрастовъ, дистанція 10 верстъ, призовъ 9: 1-й — 40 лошадей и 1 верблюдъ, 2—8 лош., 3—3 лош., 4—2 лош., 5—9—по 1 лошади; вторая, 12 октября — для лошадей 2 и 3 лѣтъ, также всѣхъ породъ, дист. 10 вер., призовъ 9: 1—200 руб. и 1 верблюдъ, 2—9 лошадей, 3—3 лош., 4—2 лош., 5—9—по 1 лошади; третья, самая серьезная скачка, 14 октября—для лошадей всѣхъ породъ и возрастовъ, дистанція 38 верстъ, призовъ 25: 1 — 5.000 рублей, 2 — 1.000 руб., 3 — 500 руб., 4 — 200 руб., 5 — 100 руб., 6—9 — по одной китайской ямбѣ, въ 84 рубля каждая, остальные 16 призовъ—по 50 рублей.

Общей скачки 11 октября я не засталъ, такъ какъ пріѣхалъ въ М. Кебинъ въ этотъ день только вечеромъ; но, по свѣдніямъ, всѣ 9 призовъ на этой скачкѣ достались киргизскимъ лошадямъ, а участвовавшая въ скачкѣ чистокровная англичанка Заза захромала и осталась за флагомъ. Вторая общая скачка для молодыхъ лошадей: 2-хъ лѣтъ (кунановъ) и 3-хъ лѣтъ (дўнōновъ) была 12 октября уже при мнѣ. Въ числѣ 105 пущенныхъ на этой скачкѣ молодыхъ лошадей участвовали и вышеназванныя полукровно-англійскія: Лира и Джанъ; но и на этотъ разъ выиграли вновь киргизы, обѣ же русскія лошади опять отстали.

12 октября мнѣ удалось наблюдать организацію скачекъ и спортивные пріемы у киргизовъ. Подготовка лошадей къ скачкамъ, несмотря на всю ея примитивность, оказалась очень хорошею. Въ то время, какъ англійскій скакунъ требуетъ самой тщатель-

ной ковки, киргизы совсѣмъ не куютъ своихъ скакуновъ на байгу: они считаютъ излишнимъ обременять подковою и безъ того стальное копыто своего коня. Тоже для облегченія маха скакуна во время скачки киргизы подвязываютъ ему хвостъ и заплетаютъ гриву и челку. Но киргизскіе жокеи оставляютъ желать многаго: на всѣхъ скакунахъ сидѣли простые киргизята, лѣтъ по 13—14 (въ одномъ случаѣ была даже дѣвочка), и я самъ видѣлъ, какъ такія импровизированные жокеи не столько помогали скакунамъ, сколько дергали ихъ за поводъ и только колотили ихъ нагайками, что̀ называется, «и въ хвостъ и въ гриву». Отъ мѣты (или выигрышнаго столба) всѣ участники скачки отправляются къ старту безпорядочною толпою, нѣкоторые и совсѣмъ не доѣзжаютъ до старта и, не дождавшись сигнала, поворачиваютъ и начинаютъ скачку раньше другихъ. По пути же скачки практикуется и другой неправильный пріемъ. Это—такъ называемое «сюрэу», или подтаскиваніе скакуна. Чтобы помочь своему скакуну выиграть, къ нему гдѣ-нибудь посрединѣ дороги подскакиваютъ одинъ или два киргиза и начинаютъ, буквально, тащить его за что̀ попало. Этотъ пріемъ—обычный и не вызываетъ у киргизовъ такихъ ссоръ, какъ практикуемая, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, хотя, конечно, и рѣдко, подмѣна скакуновъ.

Владѣлецъ выигравшей лошади получаетъ только 80% изъ приза. Изъ остальныхъ же 20%—10%, называемыя даякомъ, идутъ въ пользу какого-либо почетнаго лица [1]), а другіе 10% остаются у казначея скачекъ. Послѣднее называется калты-тюпъ, т.-е. дно кошелька (подразумѣвается—казначейскаго). Лицо, получающее даякъ, становится и судьею у выигрышнаго столба, или ставитъ за себя другого даякчи. Такимъ образомъ, судей, или даякчи, бываетъ ровно столько же, сколько назначается призовъ, и каждый изъ нихъ хватаетъ у мѣты своего скакуна-призера: первый—1-го, второй—2-го, третій—3-го и т. д., устраняя этимъ споры между состязующимися.

Но даякомъ и калты-тюпомъ убытки счастливцевъ еще не кончаются. У мѣты ихъ ждетъ еще одинъ обычай—ольджа, по которому призъ считается принадлежностью какъ бы цѣлаго рода, и каждый изъ родственниковъ выигравшаго имѣетъ право

[1]) Даякъ отъ самаго большого приза за 38-верстную байгу по Шабдану (500 рублей изъ 5000) былъ пожертвованъ на Токмакскую русско-мусульманскую библіотеку-читальню.

потребовать у него своей доли, въ случаѣ отказа—даже судомъ. Въ результатѣ же такого примѣненія родового начала бываетъ часто, что у выигравшаго отъ приза не остается почти ничего.

Самой важной была скачка 14 октября, какъ по своей дистанціи (38 верстъ), такъ и по размѣрамъ призовъ (1-й призъ— 5000 рублей). На эту скачку записалось громадное количество скакуновъ—172 лошади, въ томъ числѣ англо-туркмено-киргизъ Жучекъ г. Бычкова и англійская чистокровная Жакерія г. Альметьева. Скачка происходила между Толубай-курганомъ (въ 7-ми верстахъ отъ с. Б. Токмака) и Бурулдайской сопкой—въ районѣ поминальныхъ торжествъ. Дорога по правому берегу р. Чу ровная, только съ небольшими долами въ первой половинѣ, мѣстами каменистая и все время постепенно въ гору. Такъ какъ этой скачкой рѣшался серьезный вопросъ о качествахъ лошадей киргизской породы по сравненію съ лошадью культурной, то въ устройствѣ ея приняли участіе и русскіе люди. Прежде всего, озаботились устраненіемъ всѣхъ недостатковъ киргизскихъ скачекъ и предупрежденіемъ ухищреній, практикуемыхъ у этого народа. Скакуны были отправлены къ Толубай-кургану наканунѣ скачки, 13 октября, всѣ подробно переписаны и даже затаврены. Лошадей изъ Толубай-кургана пускалъ помощникъ Пишп. уѣздн. начал. г. Лутинъ, по часамъ, свѣреннымъ съ часами судей у Бурулдайской сопки, въ числѣ которыхъ, кромѣ 25-ти даякчей отъ киргизъ (по числу 25 призовъ), были остальные чины уѣздной администраціи и другіе русскіе. Въ предупрежденіе злоупотребленій по пути скачки, дорожка отъ Толубай-кургана до Бурулдайской сопки, въ началѣ и особенно въ концѣ ея, была обставлена двойной цѣпью изъ казаковъ бывшей на байгѣ Сибирской казачьей сотни. День скачки, 14 октября, выдался вёдреный, и когда мы подъѣхали къ Бурулдайской сопкѣ, 40-тысячная конная толпа киргизовъ уже усѣяла все это громадное возвышеніе и, кромѣ того, густыми шпалерами размѣстилась по обѣ стороны дорожки. Выигрышный столбъ обозначался 2-мя флагами на высокихъ древкахъ. Надо ли говорить, что всѣ ждали первою—Жакерію г. Альметьева? Но вотъ, къ смущенію русскихъ и къ неописуемому восторгу киргизовъ, появляется чалый 10-лѣтній меринъ киргиза Толкановской волости Пишпекскаго уѣзда Баранчи Утеченева и приходитъ къ выигрышному столбу— первымъ. Дистанцію въ 38 верстъ эта лошадь прошла въ

1 часъ $^1/_2$ мин., т.-е. съ рѣзвостью 1 мин. $35^1/_2$ сек. на 1 версту и, такимъ образомъ, побила рекордъ рѣзвости, даваемый авторами для 30 верстъ (1 мин. $37^1/_2$ сек. на 1 вер.—В. П. Колоссовскій). Въ теченіе слѣдующихъ 3 мин. 40 сек. прискакали еще 8 лошадей—всѣ, принадлежащія киргизамъ, и только десятою, черезъ 50 секундъ послѣ 9-й и $4^1/_2$ мин. послѣ первой лошади пришла, наконецъ, Жакерія г. Альметьева. Такъ какъ съ 10-й лошади начинались 16 послѣднихъ призовъ, по 50-ти рублей, то Жакеріи и достался этотъ самый малый призъ; Жучка же г. Бычкова мы такъ и не дождались: онъ захромалъ и сошелъ съ дорожки. На другой день послѣ скачки намъ удалось опять увидѣть Жакерію и еще одного скакуна—чистаго киргиза, который былъ купленъ за 40 рублей и получилъ на 38-вер. скачкѣ 18-й призъ. И вотъ въ какомъ видѣ мы ихъ нашли. Англичанка лежала на соломѣ настолько разбитою, что ее съ трудомъ подняли, чтобы дать намъ возможность обмѣрить её и сфотографировать. Киргизскаго же скануна мы нагнали по дорогѣ: онъ какъ ни въ чемъ ни бывало шагалъ за телѣгой своего хозяина на своихъ некованныхъ стальныхъ копытахъ и былъ совершенно здоровъ.

Показавъ въ такомъ блестящемъ видѣ качества лошадей киргизской породы, описанныя скачки убѣждаютъ въ необходимости сохранить эту породу при улучшеніи коневодства въ Семирѣченской области.

Въ промежуточный день, 13 октября, киргизскихъ скачекъ не было. День былъ посвященъ другимъ состязаніямъ, а сначала хозяева байги—киргизы устроили скачки для своихъ гостей—русскихъ, казаковъ-семирѣковъ Самсоновской станицы, упомянутой мною въ началѣ сообщенія. Киргизы же дали денегъ и на призы. Казачьи скачки прошли по обычному шаблону: гладкая скачка, скачка съ уставными препятствіями и, подъ конецъ, джигитовка. Въ виду общеизвѣстности, я не буду распространяться объ этихъ скачкахъ, скажу только, что на глазахъ 40-тысячной толпы киргизовъ русскіе казаки могли бы скакать, а особенно джигитовать, и получше. Впрочемъ, побѣдителей одарили достаточно щедро: призы выдавались отъ 5 до 20 рублей.

Послѣ этого по программѣ должны были состояться киргизскія состязанія: борьба, бой на копьяхъ и стрѣльба изъ лука.

Рис. 5. Киргизская борьба (кӧрӯскенъ) на поминкахъ по умершемъ Шабданѣ Джантаевѣ.

Рис. 6. Сайышъ (бой на копьяхъ) на поминкахъ по умершемъ Шабданѣ Джантаевѣ.

А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.

Киргизская борьба (корускенъ) достаточно извѣстна, и я также не буду на ней особенно останавливаться. Схватокъ было двѣ— въ обѣихъ боролся киргизъ Вост.-Кастекской вол. Вѣрненскаго уѣзда Максутбай Джакебаевъ и въ обѣихъ остался побѣдителемъ. Въ первой парѣ онъ поборолъ русскаго—крестьянина с. Михайловскаго Подмогова, очень дюжаго мужчину, во второй парѣ—киргиза. За побѣду Маскутбаю досталось 30 рублей и 4 лошади (рис. 5).

Затѣмъ слѣдовалъ интересный бой на копьяхъ, сайышъ — по-каракиргизски, или сайысъ—по киргизъ-казацки,—на призъ въ 50 рублей и 9 лошадей побѣдителю. Бойцы на это состязанiе (какъ, впрочемъ, и въ корускенѣ) выставлялись цѣлымъ родомъ. По существу, сайышъ представляетъ собою настоящiй турниръ, въ родѣ того, какъ въ среднiе вѣка въ Европѣ закованные въ латы рыцари выходили попарно другъ противъ друга на поединокъ, и побѣда оставалась за тѣмъ, кто ударомъ тупого копья вышибетъ своего противника изъ сѣдла, но въ то же время самъ усидитъ на конѣ. Только у нашихъ киргизовъ ихъ рыцари — какъ они ихъ называютъ—полваны, не были закованы въ латы: они сидѣли на своихъ лошадяхъ въ кольчугахъ, надѣтыхъ еще на нѣсколько ватныхъ халатовъ, чтобы защититься отъ ударовъ противника. Точно также и копьями имъ служили простыя деревянныя, тупоконечныя палки одинаковой длины — аршинъ по 7-ми каждая и толщиною въ руку. Въ такомъ вооруженiи двое киргизскихъ рыцарей разъѣзжались, со своими секундантами, по полю каждый къ своей мѣтѣ въ разстоянiи около $^1/_2$ версты одна отъ другой, становились въ позицiю другъ противъ друга и, уперевъ конецъ палки въ луку своего сѣдла, ждали сигнала. Сигналъ подавался на сырнаѣ судьями, которые наблюдали за поединкомъ съ холма, впереди многотысячной толпы зрителей. Какъ только раздавалась короткая трель сырная, бойцы тотчасъ же, сложивъ свои импровизированныя копья и все время упирая ихъ въ луку, пускались навстрѣчу другъ другу, доводили аллюръ лошади до полнаго каррьера и сталкивались, цѣлясь концомъ палки въ корпусъ своего противника (рис. 6).

Совершенно понятно, что сайышъ долженъ быть несравненно опаснѣе средне-вѣковаго рыцарскаго турнира: тамъ рыцаря вполнѣ спасали его латы, а тутъ одной силы столкновенiя противниковъ достаточно, чтобы боецъ, получивши ударъ и защищенный только

кольчугою и халатами, во всякомъ случаѣ рисковалъ получить серьезное повреждение, будетъ ли онъ вышибленъ изъ сѣдла, или нѣтъ.

Итакъ, поединки предстояли нешуточные. Это можно было видѣть уже и по настроенію киргизской толпы, когда первая пара бойцовъ: Савыръ и Махышъ (первый — отъ каракиргизскаго рода «Бочу», второй — отъ киргизъ-казаковъ) предстали передъ этой толпою и стали прощаться, прося у народа благословенія на поединокъ. И, очевидно, тревога за участь обоихъ была общимъ чувствомъ: вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, тихо и съ глубокой серьезностью благословила бойцовъ. Впрочемъ, на этомъ первомъ поединкѣ несчастія не случилось. Оба противника, видимо, сами не хотѣли драться, какъ слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ, они съѣзжались раза 4 или 5, но каждый разъ почему-то промахивались, не попадали другъ въ друга палками и опять разводились секундантами. Это, наконецъ, надоѣло и толпѣ, и судьямъ, и бойцовъ удалили, выдавъ каждому въ награду по одной лошади.

Но вотъ выступаетъ вторая пара, и оба знаменитые бойцы. Перваго бойца—Аксакала выставилъ каракиргизскій родъ «Саяковъ», второй, по имени Джусупъ, былъ отъ дунганъ Вѣрненскаго и Пишпекскаго уѣздовъ. Объ Аксакалѣ говорили, что онъ уже успѣлъ убить двухъ человѣкъ на прежнихъ сайышахъ. Разставили соперниковъ на мѣста, раздался сигналъ, и съ мѣста въ карьеръ оба понеслись другъ на друга. Тутъ сразу же всѣмъ стало ясно, что катастрофа неизбѣжна. И, дѣйствительно, не успѣли зрители опомниться, какъ бойцы уже столкнулись и, очевидно, каждый цѣлилъ своей палкой навѣрняка, такъ какъ моментально же вслѣдъ за симъ Аксакалъ повисъ безъ сознанія на своей лошади внизъ головою, а Джусупъ, въ свою очередь, отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, самъ вскорѣ склонился въ сѣдлѣ, и съ лошади его сняли уже другіе киргизы изъ подоспѣвшихъ родственниковъ.

Произошелъ, конечно, общій переполохъ, особенно среди насъ— русскихъ. Мы бросились къ пострадавшимъ и стали помогать имъ всѣмъ, что было подъ руками. Затѣмъ ихъ увезли домой. — Удары, полученные тѣмъ и другимъ, оказались очень серьезными: Аксакалу палка ударила въ грудь, а затѣмъ, скользнувъ по кольчугѣ, страшно поранила ему лѣвый високъ; Джусупу же ударъ пришелся въ животъ, въ область желудка, и его сейчасъ же

стало рвать кровью. — Говорятъ, что впослѣдствіи умерли оба бойца.

Послѣ такого случая о дальнѣйшихъ играхъ не могло быть и рѣчи, послѣдній номеръ программы—состязаніе въ стрѣльбѣ изъ лука—уже не состоялся.—Но я могу описать это состязаніе по тому, какъ я видѣлъ его на упомянутыхъ мною выше Узунъ-Агачскихъ торжествахъ въ 1910 году; условія же состязаній были совершенно одинаковы какъ тамъ, такъ и тутъ.—Цѣлью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и призомъ, служитъ серебряная китайская ямба. Она завертывается въ кусокъ матеріи и въ такомъ видѣ привязывается на короткой веревкѣ къ концу перекладины, укрѣпленной вверху столба, саженъ 10—12 высотою. Стрѣляютъ пѣшіе, съ разстоянія шаговъ 50-ти отъ цѣли. Луки обыкновенные, какіе иногда еще и теперь встрѣчаются у нашихъ сосѣдей—китайскихъ калмыковъ, или сибинцевъ. Но стрѣлы особенныя: они не остроконечныя, а съ поперечнымъ желѣзнымъ наконечникомъ, полулунной формы и съ острымъ рѣжущимъ краемъ. Тотъ, кто такою стрѣлою пересѣчетъ веревку, на которой виситъ ямба, послѣ чего она, конечно, падаетъ, тотъ и получаетъ эту упавшую ямбу, какъ призъ. Но стрѣльба изъ лука уже вышла у киргизовъ изъ обыденной практики и стала, очевидно, анахронизмомъ. Можетъ быть, на Узунъ-Агачскихъ торжествахъ не было и особо искусныхъ стрѣлковъ. Во всякомъ случаѣ приза въ то время не взялъ никто: ямба такъ и осталась висѣть нетронутою, сколько стрѣлки не пускали въ нее своихъ стрѣлъ.

По окончаніи байги на поминкахъ по Шабданѣ Джантаевѣ его стягъ былъ сломанъ и переданъ старшему въ его родѣ. Первый пріемъ означалъ прекращеніе связи покойнаго манапа съ міромъ живущихъ, а второй—переходъ его власти потомству. Церемонія состоялась 15 октября, когда гости уже разъѣхались, т.-е. опять въ интимномъ кругу однихъ тынаевцевъ, какъ и церемонія перенесенія стяга изъ Б. Кебина 5 октября.

Настоящее время грозитъ скорымъ уничтоженіемъ многимъ изъ старинныхъ обычаевъ у семирѣченскихъ киргизовъ, какъ кочевого народа. Семирѣчье уже открыто для русскихъ переселенцевъ, и они текутъ къ намъ широкой волной. Вынужденные въ значительной мѣрѣ потѣсниться, киргизы призываются теперь къ осѣдлости, да и сами они видятъ, что скорая ломка ихъ вѣкового кочевого быта неизбѣжна. Такія забавы, какъ описанный мною сайышъ, вѣроятно, не повторятся у насъ уже никогда.

Очевидное варварство сайыша обратило на себя вниманіе мѣстной администраціи, и его, несомнѣнно, запретятъ. Но остается еще масса другихъ кочевыхъ обычаевъ, которые, при теперешнихъ нашихъ условіяхъ, также скоро забудутся и пропадутъ для науки, если не заняться теперь же ихъ изученіемъ: съ нимъ надо поторопиться.

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества", томъ XLVIII, вып. VI—X, 1912 г.

Типографія М. М. Стасюлевича. Петроградъ. Вас. остр., 5 лин., 28.